

Видное место в образной системе пьес о Северной войне занимают персонажи библейских легенд. Чаще всего такими персонажами являются ветхозаветные герои (Моисей, Иисус Навин, могущественный Самсон, Давид и др.), а также христианские святые и мученики. Из божественного писания заимствуют драматурги и отдельные эпизоды, ссылаясь при этом на соответствующее место из Библии. В «Царстве Мира», например, разрабатывается евангельская история об апостоле Пётре, посрамившем волхва Симона, в «Ревности православия» воспроизводится рассказ о легендарной битве Иисуса Навина с пятью ханаанскими царями, когда Иисус Навин «заходящу солнцу вспять возвратися повелевает, глаголя: Стани, солнце, противу врагом»,⁷ и т. д. Более того, авторы пьес составляют целые аллегорико-символические картины, где они используют также и теологические символы: вручение ключей воюющей Церкви, венчание Мира на царство, когда Мир, одетый в царские одежды, «посаждается на камени твердаго исповедания, аки на престоле царском», «златая жатва» Фортуны и Века, дающая богатый урожай — оливковые ветви и оружие для русского воинства, знаменующие мир и брань, и др.

Однако символика школьных пьес о Северной войне, навеянная образами древнехристианского искусства, архаична лишь отчасти. В пьесах явственно проступают черты петровского времени. Они проявляются в наличии новых образов-символов, среди которых прехрабрый орел, свирепый лев, «седмоглавый змий» и «таврикийская луна», аллегорически изображающие Россию, Швецию (Карла XII), Турцию и крымских татар.

Отпечаток нового времени лежит и на разработке пьес, сюжеты которых выбраны драматургами из Библии. Авторы действий пытаются преодолеть заданность, регламентированность этих сюжетов и сосредоточить внимание зрителей на событиях современности, выводя с этой целью на сцену новых героев. Так, если в более ранних по написанию пьесах «Царство Мира» (1702), «Торжество Мира» (1703), «Ревность православия» (1704) главными героями являются библейские Петр, Иисус Навин, то в пьесе «Свобождение Ливонии и Ингерманландии» (1705) библейский Моисей выступает на втором плане, он только помощник главного героя пьесы — Ревности российской, которая благодаря своей отваге, воинской доблести и таланту военачальника одерживает победу над полками Неправедного Хищения. Образ Ревности российской, в котором, вероятно, подразумевался Петр I, наделен автором чертами сурового аскетичного воина (см. сцену в вертограде из 3-го и 4-го явлений II части); она сравнивается также с Александром Македонским: «Вседают на коня Буцефала и никто не возможе сести, кроме единыя Ревности, яко же иногда

⁷ Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения... т. II, стр. 31.